

сецкого,⁵⁵ и не позднее начала XIX в., к которому относится почерк сохранившегося списка.

Напечатанный в «Вологодских губернских ведомостях» в 1865 г. текст с пометой издателя в конце — «Вологодский летописец, собр. Слободским» — представляет собой сокращенный вариант второй редакции «Летописца Ивана Слободского» (см. прим. 8). Рукопись этого варианта найти не удалось.

Материал, приведенный в настоящей статье, свидетельствует о том, что Вологда являлась центром летописания не только в XV—XVI вв., но и в течение XVII—XVIII вв. Эволюция летописания в Вологде совершалась от создания общерусских летописных сводов в XV—XVI вв. (Вологодско-Пермская летопись, Свод 1497 г. с Дополнениями) к составлению общерусских провинциальных летописей в XVII—начале XVIII в. (Вологодская летопись) и кратких местных летописцев в XVIII в. (Историческая летопись, «Летописец Ивана Слободского»⁵⁶). В какой-то мере такая эволюция была характерна для общерусского летописания в целом.

М. Е. БЫЧКОВА

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РОДОСЛОВНЫХ РОСПИСЕЙ КОНЦА XVII в. и БАРХАТНОЙ КНИГИ

В русской историографии изучение росписей XVII в., составленных и поданных в Разрядный приказ после отмены местничества в 1682 г., связано с общими тенденциями исследования генеалогических документов. Начало ему было положено Н. И. Новиковым, который вместе с Бархатной книгой опубликовал в 1787 г. «роспись... тем фамилиям, от которых родословные росписи в Разряд поданы».¹ Н. И. Новиков сгруппировал фамилии, связанные единством происхождения, кратко изложил легенду о происхождении этих фамилий, для каждой росписи указал архивный номер. Хотя эта публикация не раскрывает полного содержания росписей, сейчас она необыкновенно ценна, так как значительная часть документов XVII в. погибла в войну 1812 г.

⁵⁵ РО БАН УССР, собр. Киево-Софийского собора, № $\frac{403}{138С}$, л. 9.

⁵⁶ Вологодская летопись, «Летописец Ивана Слободского», Летописные записи о царствованиях Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Хронографа Музейского собрания, № 1150 будут опубликованы в 37-м томе ПСРЛ.

¹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... и которая известна под названием Бархатной книги, ч. II. М., 1787 (далее — Бархатная книга), с. 279—409.

Интерес к родословным документам в 40—70-е годы XIX в. связан с поисками и публикацией списков родословных книг, грамот и других материалов. Родословные росписи, сильно поврежденные в 1812 г., внимания к себе не привлекали. Обширная литература, связанная с ними, а скорее, с изучением грамот, поданных в Разряд вместе с росписями, появляется в 80—90-е годы. Этот интерес отчасти был вызван книгой П. Н. Петрова «История родов русского дворянства» (1886 г.), где критика родословных документов XVI—XVII вв. сочеталась с достаточно низким уровнем исследования. Как рецензия на книгу Петрова была написана работа А. П. Барсукова, в ней дана более четкая и объективная оценка росписей: «Наши родословные издревле имели все качества актов юридических. Они вызваны были не самостоятельным развитием понятий о дворянском достоинстве и чести, а правительственными распоряжениями, всем распорядком службы в Московском государстве».² А. П. Барсуков изложил историю создания Палаты родословных дел, опираясь на известия указов 1682 и 1686 гг. о порядке подачи росписей и составлении родословных книг.³ Заметив, что «полного делопроизводства Родословной палаты не сохранилось», автор реконструирует ее деятельность по дьяческим пометам и решениям, которые имеются на списках росписей. Он подробно разбирает все известия, сопутствующие внесению в родословную — Бархатную — книгу росписей Татищевых (глава Смоленские князья), Бельских (глава Ярославские князья) и не внесению росписей Нечаевых в главу Плещеевых и Исуповых в главу Квашниных. Барсуков не указывает своих источников, но, очевидно, он пользовался не подлинными родословными росписями, а копиями с них, сделанными в XVIII в., и сведениями о соответствующих указах, помещенными в Бархатной книге при записи в нее росписей Бельских и Татищевых.⁴ Подлинников этих росписей не сохранилось.

А. П. Барсуков считает, что за четыре года (1682—1686) было подано около 750 росписей, из которых «едва четвертая часть вошла в состав Бархатной книги; прочие остались нерассмотренными Родословной палатой, и если не все, то очень многие доселе хранятся частью в подлинниках в московских архивах Министерства юстиции и Министерства иностранных дел, частью в копиях в делах департамента герольдии».⁵ А. П. Барсуков также проводит анализ отдельных записей из росписей XVII в., полемизируя с высказываниями П. Н. Петрова.

² Барсуков А. П. Обзор источников и литературы русского родословия (По поводу книги П. Н. Петрова «История родов русского дворянства»). СПб., 1887, с. 3.

³ Там же, с. 4—8.

⁴ Бархатная книга..., ч. I, с. 150; ч. II, с. 53.

⁵ Барсуков А. П. Обзор источников и литературы..., с. 11.

Через год после выхода работы А. П. Барсукова была опубликована книга Н. П. Лихачева, где изложена самая четкая концепция об истории русских родословных документов XVI—XVII вв., созданная в русской исторической науке. Подробный анализ родословных документов, сведения об их составлении и употреблении — все это отражает деятельность Разрядного приказа XVI в., истории которого и посвящена книга Н. П. Лихачева. Автор исследовал легенды о происхождении Бегичевых, Бахметевых, Борыковых, Воейковых, Римских-Корсаковых, доказывая, что в Посольском приказе существовала «выезжая книга», где записывались выезды на службу в Москву.

Н. П. Лихачева интересовали больше не росписи XVII в., а копии с грамот, представленные вместе с ними. Относительно росписей он сделал лишь несколько общих предварительных замечаний, а ряд фальсифицированных грамот, поданных вместе с росписями Бедовых и Сатиных, разобрал подробно.⁶

Большую ценность для исследования истории родословных росписей XVII в. представляет предисловие к публикации А. И. Юшкова.⁷ В нем изложена история подачи росписей и составления Бархатной книги, а также хранения родословных росписей. В XVIII в. все дела были целы, а их перечень помещен Н. И. Новиковым в качестве приложения к Бархатной книге. Когда, уже пострадав после войны 1812 г., столбцы в 1852 г. перешли в состав Московского архива Министерства юстиции, директор архива приказал их скопировать. Очевидно, это не было сделано, так как поврежденные, ветхие столбцы в 1894—1895 гг. разворачивал и реставрировал А. И. Юшков. Две росписи при этом рассыпались (Казначеевых и Кикиных).⁸ Дела, сформированные А. И. Юшковым, сохранились до наших дней. Становится понятным, почему все исследователи XIX в. пользовались копиями XVIII в.

В своей публикации А. И. Юшков напечатал лишь списки с грамот, поданные вместе с росписями. Автор упрекнул Н. П. Лихачева в ряде ошибок и неточностей при передаче текста аналогичных грамот.⁹ Публикация вызвала немедленную критику Н. П. Лихачева. Развернувшаяся полемика раскрывает принципы отбора документов, передачи текста и другие археографические приемы, которыми пользовались Н. П. Лихачев и А. И. Юшков при издании родословных документов.

⁶ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 419—440.

⁷ Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал А. Юшков. Ч. I. 1257—1613 гг. М., 1898.

⁸ Там же, с. IV—VI.

⁹ Н. П. Лихачев опубликовал грамоты из росписи Шиловских (Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. I. Духовные и договорные грамоты. Вып. II. Грамоты правые. СПб., 1895, с. 242—271).

Отвечая на замечания А. И. Юшкова, Н. П. Лихачев высказал и свое отношение к росписям, подчеркнув, что материал этот не систематизирован, разбросан по ряду архивов, что «он по качеству своему требовал предварительной обработки». Лихачев полагал, что родословные росписи XVII в. находятся не только в Архиве Министерства юстиции, но еще в портфелях Миллера Архива Министерства иностранных дел, в книгах дел решенных архива герольдии, а также «в некоторых старинных сборниках среди рукописей в разных библиотеках и, наконец, в частных родовых архивах».¹⁰ Автор резко осуждает Юшкова за то, что, публикуя акты, тот совершенно игнорировал росписи, с которыми они были поданы. По мнению Лихачева, такое издание напоминает альбомы «тех любителей искусства, которые вырезают миниатюры и гравюры из рукописей и книг».¹¹

Для изучения работы Палаты родословных дел важны опубликованные Н. П. Лихачевым отрывки из указов, связанные с созданием Бархатной книги. Он впервые издал указ 28 октября 1683 г., который является обращением к дворянству с требованием подавать росписи, и записку думного дьяка Ф. Л. Шакловитого о том, как составлять родословную книгу.¹² Эти документы раскрывают процесс подготовки последнего указа от 26 ноября «за пометой думного дьяка» В. Г. Семенова, в котором наиболее четко определено, какие росписи и в какой системе надо записывать в родословную книгу.

Работы Н. П. Лихачева существенно дополняют ту часть книги А. П. Барсукова, где описана история создания и деятельности Палаты родословных дел, поскольку Барсуков использовал лишь документы, опубликованные Н. И. Новиковым.

В советской исторической литературе к родословным росписям обращались весьма редко. Ряд актов XIV—XV вв. из числа поданных вместе с росписями был опубликован в «Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», причем составители очень осторожно (вслед за Н. П. Лихачевым) отзывались об их подлинности.¹³ Наиболее подробный анализ актов, поданных с росписями, а также характеристика социальных слоев дворянства, представивших документы семейных архивов, даны в книге Н. Е. Носова. Эти наблюдения важны при изучении всего комплекса генеалогических материалов конца XVII в.¹⁴ Подробный анализ документов из росписей Бестужевых и Голов-

¹⁰ Лихачев Н. П. По поводу сборника А. И. Юшкова «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». СПб., 1898, с. 2.

¹¹ Там же.

¹² Лихачев Н. П. «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897, с. 8—11.

¹³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. III. М., 1964, с. 373—401.

¹⁴ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969, с. 95—97.

киных проведен А. А. Зиминим. Принципиально новым в этой работе является то, что А. А. Зимин не только указал на несоответствие грамот, поданных в Разряд, росписям, а родословных легенд — историческим событиям, что было отмечено еще в работах Н. П. Лихачева и Д. Ф. Кобеко, но показал истоки этих фальсификаций. Так, все исследователи указывали, что боярин Яков Гаврилович Бестужев не мог получить в кормление от Ивана III город Серпейск, поскольку в XV в. тот не входил в состав Русского государства. А. А. Зимин показал, что такая фальсификация могла возникнуть на основе сведений о том, что в 1556 г. Якову Гневашеву Бестужеву был дан город Серебож. Автор установил также, что ряд подделок родословных документов XVII в. связан с Капшинским Клобуковым монастырем (грамоты Головкиных, Кожиных), что являлось одним из звеньев деятельности властей этого монастыря в создании фальсификаций.¹⁵

Кроме того, если в прошлом веке исследователи анализировали в родословных документах отдельные сомнительные факты легенд, отдельные сомнительные места формуляров грамот, то А. А. Зимин рассмотрел все эти явления в комплексе, указав, как сведения легенд переходят в грамоты, вскрыл целые комплексы генеалогических подделок, показав, как для этой цели использовались подлинные документы. Наиболее ярко это видно из анализа разрядно-родословного сборника Супоневых.

Таким образом, мы видим, что родословные росписи XVII в., поданные в Разрядный приказ после отмены местничества в 1682 г., — не новый источник в историографии. Уже сто лет он постоянно находится в поле зрения исследователей, его ценность никогда не подвергалась сомнению. И в то же время до сих пор не сделана его «предварительная критическая обработка», о необходимости которой писал еще Н. П. Лихачев. До сих пор не выяснено, сколько было подано росписей (А. П. Барсуков приводит цифру «около 750», Н. П. Лихачев считал, что их было около 600, А. И. Юшков приводит ту же цифру, ссылаясь на подсчеты В. В. Руммеля), какие из них сохранились в подлинниках, а какие в копиях XVIII в., когда составлялись эти копии. Не выяснен хронологический отрезок времени подачи этих росписей, их обработки и использования в приказном делопроизводстве и ряд других вопросов.

Самостоятельное изучение сохранившихся подлинников представляется целесообразным по ряду причин. Только такое изучение дает достаточно ясное представление о приказном делопроизводстве, связанном с подачей родословных документов. Ни до, ни после этого до начала XIX в. мы подобных материалов не

¹⁵ Зимин А. А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. — Труды МГИАИ, 1963, т. 17, с. 405—406, 408—410.

имеем. Это изучение позволит выявить и с достаточной достоверностью отнести к росписям XVII в. те материалы, сама история хранения которых не указывает на их принадлежность к росписям, составленным после отмены местничества. Изучение подлинников позволит выработать и определенные критерии в отношении работы с копиями XVIII в.

В настоящее время от делопроизводства Палаты родословных дел сохранились 162 единицы хранения (по описи 163 единицы, из них две литерные — 52а и 52б — и две сдвоенные — 1—2 и 4—5).¹⁶ Их комплектование и состав целиком связаны с деятельностью А. И. Юшкова, на обложках XIX в. есть его подписи. При обработке в 90-е годы прошлого века столбцы были расклеены и сформированы архивные единицы хранения. Большинство росписей написано писарской скорописью, на оборотах в подавляющем большинстве сохранились скрепы лиц, подавших росписи и копии с грамот, дьяческие записи, чаще всего — дата подачи росписи и подпись дьяка.

К сожалению, при формировании этих дел был нарушен порядок делопроизводства. В одних единицах хранения мы встречаем и подлинники, и копии с росписей, иногда — две разные росписи одной семьи. Грамоты и документы, удостоверяющие происхождение, а также переписка по поводу отдельных дел иногда составляют одну единицу хранения, иногда несколько.

К таким делам относятся росписи Бутурлиных (119, 139), Вольнских (67, 101), Годуновых (14, 15, 16), Голенищевых (3, 6, 4—5 — дело о включении росписи в родословную книгу), Колычевых (143, 144), Апраксиных—Вердеревских (160, 161), Кондыревых (7, 8 — челобитная о включении росписи в книгу, 9 и 10 — выписки о службе), Коробьиных (134, 155), Бахметевых (106 — выписки о службе, 136, 140), Безобразовых (44, 138), Бунаковых (122, 152 — челобитная и списки с грамот), Внуковых (52б, 75, 124), Козловских (108, 159 — решение по делу из единицы 108), Колтовских (18, 46), Комсиных (126, 129), Кузьминых (88, 128), Римских-Корсаковых (38, 39 — челобитная), Савеловых (19, 142, 152 — выписки о службе). Мы видим, что реальное количество сохранившихся дел не соответствует количеству росписей. Поэтому представить, как велись дела в XVII в., трудно, не говоря уже о том, что часть документов погибла, и часто нельзя отыскать роспись, на которую ссылаются спорящие.

Указы и дьяческие пометы, сохранившиеся на росписях, лишь частично позволяют восстановить работу Палаты родословных дел.

В указе от 12 января 1682 г. говорится о пополнении новыми поколениями старой родословной книги, «и которых имен в той книге в родех не написано, и тех имена в родословную книгу на-

¹⁶ ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, оп. 18, 163 ед. хр. — В дальнейшем ссылки на этот фонд даются в тексте с указанием только единицы хранения и листа.

писать вновь к сродникам их, и для того взять у них росписи за руками». ¹⁷

Для остальных категорий служилых людей предусматривалось создание нескольких родословных книг. В одну должны были быть записаны княжеские и «иные честные роды», которые занимали высшие должности (бояре, окольные, думные дворяне) при дворе в XVII в., и старые роды, которые занимали эти чины при Иване IV, «были в послах и в посланниках, и в полках, и в городех в воеводах, в знатных посылках и у великого государя в близости». Особые книги создавались для семей, чья служба начиналась при дворе Михаила Федоровича и поднялась до «средней и меньшей» статей десятен московских чинов. ¹⁸

В докладной выписке по этому указу от 27 марта 1682 г. предусмотрено, как заносить в старую родословную книгу росписи семей, которые напишут, что «они пошли от родословных людей». Их родословные должны быть подтверждены сородичами, уже занесенными в родословную книгу, и только тогда их можно «писать в родословную книгу с теми родами, от кого они пошли». ¹⁹

С января 1682 г. составление родословной книги было поручено боярину Владимиру Дмитриевичу Долгорукому, думному дворянину Алексею Ивановичу Ржевскому и разрядным дьякам — думному Василию Григорьевичу Семенову и Федору Шакловитому. Указ 26 января 1686 г. в общей форме говорил о пополнении родословной книги, изменял состав лиц, которые этим занимались: вместо А. И. Ржевского был назначен Иван Иванович Чаадаев, вместо Шакловитого — разрядные дьяки Перфирий Оловянников и Любим Домнин. ²⁰

В указе 13 сентября речь шла о структуре единой родословной книги, которая должна содержать росписи родов, не записанных в старую родословную книгу. Это прежде всего росписи имеретинского царя, сибирских и касимовских царевичей, затем роды, служившие при дворе до начала царствования Михаила Федоровича, затем роды, начавшие службу при Романовых, включая тех, кто дослужился до десятен 1-й статьи, затем роды, дослужившиеся до 2-й и 3-й статей десятни, и последними, «которые в десятнях написаны в последних статьях» или «написаны в московские чины».

21 сентября 1686 г. вместо окольного И. И. Чаадаева, уехавшего с посольством, был назначен окольный Иван Афанасьевич Желябужский. ²¹

Наконец, указом 14 ноября, составленным по докладной записке Федора Шакловитого, была определена структура родо-

¹⁷ Бархатная книга, ч. I, с. 4.

¹⁸ Там же, с. 4—5.

¹⁹ Там же, с. 5.

²⁰ Там же, с. 6—7.

²¹ Там же, с. 7—9.

словных росписей в родословной книге: в каком порядке писать ветви одной семьи, как разделять росписи на фамилии, обязательно требовалось записывать, кто умер бездетным.

Отдельные черты текущей работы Палаты родословных дел раскрывают документы из собрания А. Д. Черткова.²² Кроме недатированного указа Ивана и Петра Алексеевичей о подаче росписей для составления родословной книги, в нем есть приказная записка, очевидно Палаты родословных дел, где указаны семьи, подавшие свои росписи с 1682 г. по сентябрь 1685 г., и — отдельно — с сентября 1685 г. по 25 января 1686 г. За последний период число росписей даже подсчитано — 52. Далее помещены списки семей, которые еще не прислали документы, но росписи которых есть в родословной книге. Здесь, очевидно, использована рукопись, близкая к Бархатной книге, так как группировка фамилий в росписи близка внутренней структуре глав Бархатной книги. Последними идут списки фамилий из боярских книг и не записанных в родословные книги, которые имеют право на подачу родословных росписей.

Из этих документов видно, что Палата родословных дел не только собирала и обрабатывала росписи, но сама составляла списки семей, от которых требовались родословные документы.

Лиц, которые работали с росписями, можно определить по дьяческим пометам.

Чаще всего встречаются пометы думного дьяка Василия Григорьевича Семенова — 13 помет (росписи Безобразовых, Буковских, Бунаковых, Буниных, Гагиных, Головкиных, Гросовых, Казначеевых, Кобяковых, Комыниных, Корякиных, Поскочинных, Римских-Корсаковых), начиная с 24 декабря 1685 г. по 15 ноября 1688 г.; три пометы не датированы. В деле Головкиных (без даты) есть черновик указа 1689 г. с упоминанием его имени.²³

Упоминание о дьяке Перфирии Федоровиче Оловянникове есть в шести делах (Головкиных, Кобыльских, Корбышевых, Коркодиновых, Кошелевых, Римских-Корсаковых). Самое раннее известие (без даты) в деле Корбышевых, где на основе его запроса из Посольского приказа 30 декабря 1686 г. прислана справка о происхождении Корбышевых. Кроме этого, он подписывал росписи в 1687, 1692 гг. и упомянут в указе 1689 г. (роспись Головкиных) вместе с В. Г. Семеновым.²⁴

²² Чертков А. Д. Книги родословные. — В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым, кн. 1. М., 1850, отд. III, с. 22—26.

²³ В. Г. Семенов был думным дьяком Разрядного приказа без перерыва с 8 апреля 1676 г. по 1695/96 г. (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 468—469).

²⁴ П. Ф. Оловянников 5 сентября 1687 г. пожалован за участие в Крымском походе, с 1692 г. — думный дьяк. (Там же, с. 386).

Дьяк Любим Алферьевич Домнин подписал дела 17 и 26 марта 1686 г. (Ворышаевы и Клокачевы).²⁵

На росписи Боучаровых (32) есть помета: «195 (1687) марта в 16 день прислал окольный Иван Афонасьевич Желябужский с стольником с Лукою Дуровым».

Боярин Владимир Дмитриевич Долгоруков упоминается в четырех росписях 1686 и 1687 гг. У Коробкиных (17 октября 1686 г.) запись — «доложить боярину Владимиру Дмитриевичу Долгорукову»; у Вараксиных (21 ноября 1686 г.) — «отдал боярин князь Володимер Дмитриевич Долгоруково, а сказал, что подал в 2-м числе». На росписях Коркодиновых от 2 декабря 1686 г. и Вяземских от 24 февраля 1687 г. пометы о том, что решение по делу должен доложить государям В. Д. Долгорукий.

Кроме этих лиц, чья деятельность в Палате родословных дел упомянута в соответствующих указах, в росписях встречаются имена боярина Тихона Никитича Стрешнева (Кондыревы, Римские-Корсаковы);²⁶ 23 января 1693 г. на его имя дан указ о внесении росписи одной из ветвей Римских-Корсаковых в родословную их рода; в 1693—1694 гг. он же решает спор по родословию Кондыревых. Петр Шереметев в 1687 г. ведет переписку с Новгородской приказной избой о происхождении рода Савеловых. Роспись Волоцких имеет помету: «Справа Михаила Оловяникова» (7 мая 1686 г.).²⁷ На переписке Перфирия Оловяникова с Посольским приказом (запрос 30 декабря 1686 г.) о происхождении Корбышевых пометы: «Справил Максим Алексеев» и «Диок Василей По [стников]». ²⁸ Роспись Башмаковых (1 июля 1686 г.) подписал «вологодской приказной избы подьячей Митка Родионов». И, наконец, роспись Римских-Корсаковых 4 июля 1692 г. подписали дьяки Иван Кобяков и Михаил Гуляев.²⁹ Мы видим, что в деятельности Палаты родословных дел принимали участие не только лица, назначенные указами, но и другие дьяки и подьячие Разрядного и Посольского приказов, а также местных учреждений Русского государства.

²⁵ Л. А. Домнин был дьяком Разрядного приказа с 1676 по 1688 г. (Там же, с. 157).

²⁶ Т. Н. Стрешнев был в Разрядном приказе с 1689/90 г. (Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946, с. 149).

²⁷ М. Оловяников — подьячий Поместного приказа в 1662—1669/70 гг. Запись в росписи Волоцких дает наиболее позднее упоминание о его службе (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие..., с. 385—386).

²⁸ М. Алексеев упомянут как подьячий Разрядного приказа только 5 сентября 1680 г. (Там же, с. 17). Известен еще один Алексеев — подьячий Посольского приказа в 1676—1683 гг. (Там же). На росписи от фамилии Постникова сохранились лишь две буквы. По справочнику С. Б. Веселовского известно лишь одно лицо, которое может соответствовать этой подписи — дьяк Посольского приказа Василий Тимофеев Постников. (Там же, с. 476).

²⁹ Иван Тимофеевич Кобяков — дьяк Разрядного приказа с 1690/91 по 1699 г. (Там же, с. 245).

Очевидно, основная работа по сбору и обработке росписей была проделана под руководством дьяка В. Г. Семенова: его имя чаще других встречается на росписях, от его имени шли запросы в другие учреждения. Кроме того, в отличие от Л. А. Домнина и П. Ф. Оловяникова, которые ездили с дипломатическими поручениями, В. Г. Семенов постоянно находился в Москве.

Хотя эти материалы еще не позволяют подробно осветить работу Палаты родословных дел, они все же расширяют наши представления и о деятельности русских генеалогов XVII в., и о работе приказных учреждений.

Хронологически сохранившиеся росписи распределяются следующим образом. Из 162 дел 49 единиц хранения не имеют дат; у 13 даты дефектны, где нельзя определить год. Две росписи — 1648 и 1680 гг. — не связаны непосредственно с деятельностью Палаты.

В марте 1682 г. подано 7 росписей (4-го, 5-го, две росписи 11-го, 17-го, 22-го, 24-го числа), в 1682/83 г. подана роспись Хованских, но эта дата, сделанная цифрами, вызывает сомнение.

Основная масса датированных росписей падает на декабрь 1685 г. (3 росписи: одна 12-го и две 24-го числа) — декабрь 1686 г., всего 61 роспись. Среди них в январе—феврале подано 8 росписей, в марте — 19 (из них 6 — 26-го и 4 — 29-го), в мае — 19 (4 — 19-го, 7 — 22-го и 3 — 23-го), в июне, июле, сентябре, декабре — по 2, в октябре — 1, в ноябре — 3 росписи. В 1687 г. подано 16 росписей: 9 — в январе, 3 — в марте, по одной — в октябре и ноябре; две росписи датированы только годом. В 1688 г. подано 6 росписей (по одной в феврале, мае, июле, октябре, 2 — в марте). И от 1690—1694 гг. сохранилось по одной росписи. 3 росписи имеют даты 1685/86 и 1686/87 гг.

Эти данные не позволяют делать четких хронологических выкладок, но дают ясное представление об интенсивности подачи росписей в разные годы. Росписи стали подаваться практически сразу после выхода указа об отмене местничества, разрыв между ним и первой росписью менее двух месяцев. В 1686 г. вышел ряд указов о порядке составления родословных книг и подаче росписей, на первую половину этого года падает основная масса датированных росписей. Очевидно, к концу года уже собралось достаточно материала для составления родословной книги, что и было определено соответствующим указом.

Практически после мая 1688 г. новых росписей не подавалось (если исходить из датированных). Дела 1690—1694 гг. — это решение спорных вопросов, приписки новых ветвей к уже поданным росписям. Основная масса датированных росписей относится к тем пяти годам, которые прошли от издания указа 1682 г. об отмене местничества до составления Бархатной книги.

Обратимся к количественному составу родословных росписей.

Среди 162 дел мы видим указ 14 ноября 1686 г. (158), челобитную в Разряд Парамона Бегичева с просьбой дать справку

о службе его отца (153), ответ из Посольского приказа на запрос из Палаты о происхождении Корбышевых (86), копии грамот Корякиных (149), переписку с Лондоном о происхождении Бестужевых (156). Ряд дел практически не содержит росписей, это родословия лиц, чья служба в Москве началась в середине XVII в. Таковы запись о выезде Водорацких в 1634 г. из Польши (110), запись Григория Баушева, чей отец был взят в плен в 1653 г. под Шкловом и после служил в России (95); Яков Биев (21) выехал в 1654 г. из Турции в Астрахань при воеводе Иване Петровиче Пронском. Леонтий Грос (70), переводчик Посольского приказа, взят в плен в Куконаузе, где он жил во время своего путешествия, попал в Москву, стал служить в Посольском приказе. Карапиперовы (135) выехали в Москву из Турции в 1638 г. Михаил Петрович Колдычевский взят в плен под Мстиславлем в 1658 г., а с 1663 г. служил по московскому списку (78). Краевские остались служить в Смоленске в 1654 г., они указывают на свою принадлежность к гербу Ясень. Скрепки на этой челобитной написаны по-русски, но латинским алфавитом (80). Роспись Хованских (163) также охватывает лишь XVII в. и в основном определяет участие отдельных членов этой семьи в стрельцком восстании. Родословие Эверлаковых (49) начинается с выезда в 1651 г. в Москву «из Немец» шляхтича Романа Яковлевича Эверлакова, но в ней описано пленение его предка в XVI в. при Иване IV.

Роспись Белозерских (162) составлена 8 августа 1648 г. и, как и дело Парамона Бегичева, очевидно, попала в делопроизводство Палаты из Разрядного приказа.

Среди остальных росписей 36 совпадают в своей ранней части с соответствующими росписями родословных книг XVI в., а 88 являются оригинальными. Анализу этих новых росписей и посвящена настоящая работа, поскольку остальные, совпадая текстуально с родословными книгами, не дают принципиально новых известий о генеалогических знаниях XVII в.

Родословные росписи XVII в. состоят из легенды о происхождении семьи и поколенной росписи, доведенной по составу лиц до последней четверти XVII в. Начиная с XVI в. часто записываются биографические сведения о службе и земельных владениях отдельных лиц, причем, в отличие от росписей XVI в., эти сведения, как правило, подтверждаются отсылками на соответствующие документы (грамоты, разрядные записи, писцовые книги и др.). Заголовки к росписям имеются не всегда. На обороте листов идут скрепы лиц, подавших росписи, иногда дьяческие записи.

Как правило, родословные легенды росписей сохраняют форму, присущую легендам XVI в. В них записан выезд предка (в Москву, Тверь, Рязань), сообщается о его крещении, иногда говорится о пожалованиях, сделанных великим князем, дальше начинается роспись.

В 44 росписях записаны легенды родословных книг XVI в., из них в двух случаях использованы «чужие» легенды: Барыковы (58) взяли легенду родословных книг XVI в. о выезде в Тверь Марка Демидова (легенда Коробовых XVI в.) и, изменив одну из фамилий росписи XVI в. (с Бабукиных на Бабрыкиных), показали себя потомками младшего сына Марка. В подтверждение достоверности своего происхождения они сослались на «выезжую книгу» Посольского приказа. Грековы (62) приписали себе родословную легенду Ласкиревых, чья роспись была в Государеве родословце 1555 г.

В 10 росписях легенда утрачена или неразборчива из-за дефектов рукописи.

Безо всяких легенд о выезде подали росписи Бехтеевы (50), Боучаровы (32), Борисовы (60),³⁰ Веревкины (13), Волоховы (37),³¹ Голенкины (54), Горины (27), Казначеевы (82), которые записали только, что они «выезжие»; Колупаевы (96), Коротневы (148), Кошелевы (72).

Угличскими вотчинниками со времен Дмитрия Донского называли себя Брюхатовы (103), Голосовы (116); суздальскими — Каблуковы (53).

Выходцами из Рязани (без легенды о выезде) записаны Белелюбские (17), Буковские (47), Ворыпаевы (73). Бузовлевы указали, что их предком был татарин Чепчуга прозвищем Бузовлев, служивший рязанскому князю Федору Ольговичу (81).

Ряд легенд выводит родоначальников из Новгорода. В росписях XVII в. эта легенда приобретает иную окраску, чем в книгах XVI в. Если раньше из Новгорода происходили родоначальники старомосковского боярства: Морозовых, Кобылиных, Свибловых, Кутузовых, служившие еще Александру Невскому, то в XVII в. Кузьмины-Караваевы (128, 88) и Савеловы (19, 142, 152) написали, что их предками были новгородские посадники, естественно, в свое время выехавшие из Прусских земель, как этого требовала традиция XVI в. Баскаковы (84) назвали своим предком баскака Амрагана, осевшего в Новгороде; из этого рода вышел и Пафнутий Боровский. Бобынины (104) переселились в Новгород из Чернигова после «литовского разоренья», а Андреевы и Колотилоские (104) просто назвались новгородскими вотчинниками. В доказательство своего происхождения многие ссылаются на писцовую книгу Дмитрия Китаева (1500 г.).

В традиционной форме XVI в. «выехал из Немец из Прусские земли муж честен в Великий Новгород» создана легенда Вараксинных (40), из «Немец» в Новгород выехал также предок Григоровых (23), а к Дмитрию Донскому — предки Гиневлевых (118) Михаил Ильич и Глебовых (11) Облагиня.

³⁰ Возможно, их легенда была в росписи Чаадаевых, поскольку Борисовы показали себя их однородцами.

³¹ Волоховы назвали своим родоначальником тысячника Дмитрия Андреева Волохова.

Группа легенд связана с выездом из Литвы, но, как и предыдущие легенды, она носит несколько иной оттенок, чем аналогичные легенды XVI в. В родословиях XVI в. выходцами из Литвы записаны, как правило, бывшие тверские боярские роды, перешедшие на службу в Москву. Переезды из Литвы в Тверь, затем в Москву связаны с образованием единого Русского государства и его сношениями с Великим княжеством Литовским. Основная масса легенд XVII в. говорит о выезде при московском великом князе Василии III, во время правления которого велись войны с Литвой и переезжали литовские князья. В первой четверти XVI в. сказались выехавшими на Русь Ближевские (121), Борцовы (35), Клишковы (36), Протасьевы (59). В легенде Бухваловых (102) указан выезд предка к царю Ивану IV, но с датой 1522 г. Только Бунаковы (122) и Владычкины (48) записали, что их предки выехали в 1408 г. с литовским князем Свидригайлой. В основном это семьи, служившие дмитровским и волоцким князьям.

Родоначальник серпуховских помещиков Козловых (71) Дмитрий Немиров сын Козлов назван в росписи «шемятичевским». Болотниковы (157), служившие по Вяземскому уезду, также сказались выходцами из Литвы, но ни имени предка, ни времени выезда указать не смогли. Без указания даты записан и выезд Венцеслава Корсакова — родоначальника Римских-Корсаковых (38, 39).

Сопоставима с родословными книгами XVI в. и группа легенд о выезде из Крыма и Золотой Орды.

Приехавшими из Крыма записались Баранчевы (130), указав своим предком Василия Баранчевича Киятова и сославшись на легенду Киятовых в родословных книгах. В родословиях XVI в. князья Убо-Кияты названы предками Глинских.³² К тому же известие о князе Кияте в росписи относится к XIV в., а служба его ближайшего потомка — к 1524 г.; за весь XV в. предки Баранчевых не записаны. Бахметевы (140) сказались татарами, выехавшими в XV в. в Москву с царевичем Касимом; Гайтуровы (83) выехали из Крыма при Василии Темном, тогда же приехал родоначальник Елизаровых (76) царевич Егуп. Карауловы указали своим предком Ямурчей Караула, посла к Ивану III.

Из Большой Орды выехал в 1301 г. царевич Берка, от которого повелись Блохины (63). Оттуда же назвали своего предка — мурзу Кугилубага — Болтины (109), написав, что, в каком году он выехал и при котором великом князе, «про то ведомо в Розряде». Елчины (90) записаны потомками посла Золотой Орды Елчи, приходившего к Ивану III. Предок Комыниных (74) Бугайдал выехал к Василию III.

В этих легендах бросается в глаза то, что имена многих родоначальников и их связь с Москвой известны по летописям.

³² Родословная книга. — Временник ОИДР, кн. X. М., 1851, с. 195.

Братья Касим и Егуп, царевичи, упоминаются в связи с событиями феодальной войны в 1447 г., царевич Ямурчей — в связи со стоянием на Угре в 1481 г., царевич Берка — один из известных деятелей Золотой Орды второй половины XIII в.³³ Но, сообщая о их контактах с русскими князьями, летописцы ничего не говорят о их переходе на службу в Москву.

Новым в родословных легендах XVII в. являются записи о выезде родоначальников из Польши. По существу, здесь речь идет о тех же дмитровских и волоцких вотчинниках, которые в других случаях записаны переехавшими из Литвы в соответствии с генеалогическими традициями XVI в. Мы можем лишь отметить новые тенденции создания родословных легенд, поскольку и хронология событий, и манера изложения в них такие же, как в легендах о выезде из Литвы.

Самые ранние выезды из Польши указаны в легендах Кикиных (30) и Поскочиных (22). Логин, предок Кикиных, и Петр Поскоча, по легенде, дед основателя Ферапонтова монастыря, выехали к Дмитрию Донскому от Ягайла. На службу к Василию Темному приехали Архип Буниковский, предок Буниных и Майковых (98), и Александр Клокачский, родоначальник Клокачевых (34). К Ивану III пришли служить предки Головкиных (123),³⁴ Коробкиных (132), Баклановских (94).³⁵ Предок Крекшиных (127) Лукьян был взят в плен под Смоленском в 1514 г. К Василию III выехали также Волоцкие (51), Вороновы (137), которые тут же были помещены в Новгород.

Близнаковы (100) записали, что не помнят, когда их предок Оникон выехал к Василию Ивановичу, а грамоты сгорели.

В деле Грушецких (61) есть выписки из польской родословной книги о происхождении их герба.

Особняком стоят легенды о выезде из Свейского государства предка Евских (26) Филипуса; грека Константина — предка Комсиных — к Дмитрию Донскому (126, 129), братьев Кашкиных (111) с Софьей Палеолог, а также Узлы мурзы Ягоровича, предка Кафтыревых (91), в 1241 г. из Кафы. Егуповы-Черкасские приехали «с гор служить Ивану Васильевичу» (117).

Фантастическую легенду придумали себе Блудовы (29), записавшись потомками Блуда, известного по летописям с 973 г. воеводы князя Ярополка Святославича. При образовании его

³³ ПСРЛ, т. 25. М.—Л., 1949, с. 144, 269, 328.

³⁴ Разбирая грамоты, поданные Головкиными, А. А. Зимин отметил необычное для шляхтича отчество Кучюкомович, которое было у Яна Головкина. Подавший в 1689 г. роспись Иван Головкин ссылался на архив Клобукова монастыря, где хранились документы, подтверждающие выезд Яна Головкина. По мнению А. А. Зимина, грамота Головкиных — одна из подделок этого монастыря (Зимин А. А. Из истории фальсификации..., с. 405—406). По росписи дети выехавшего в 1485 г. Яна Головкина записаны в Тысячной книге.

³⁵ В этой росписи на сто лет записано семь поколений, что очень сомнительно само по себе.

имени — Ивещей Блуд — в легенде использован летописный текст. До XIV в. потомки Блуда в росписи не записаны, а с XIV в. Блудовы — суздальские помещики.

Красочна легенда Елагиных (145): их родоначальник Елагоний приехал с крестоносцами в Литву, а позднее поселился в Ладого. В Тысячной книге 1550 г. Елагины записаны помещиками Водской пятины.

Обзор родословных легенд XVII в. позволяет сделать ряд выводов. В отличие от родословий XVI в., когда все занесенные в книги роды имели легенду о выезде, в XVII в. часть семей легенд не дала. Это может говорить о том, что в XVII в. сам факт службы великим князьям был признаком древности и определенной знатности семьи. Родословные легенды XVI в. в поздних росписях остались без изменений, что, очевидно, подтверждает авторитет родословных документов XVI в. Об этой авторитетности может свидетельствовать и факт заимствования чужих легенд (Ласкиревых, Глинских) из книг XVI в.

Основная масса легенд, впервые записанных в росписях XVII в., строится по образцу легенд боярских родов XVI в. Они кратки и, кроме имени родоначальника, времени выезда и полученных им пожалований, не содержат никаких сведений. Перечень стран, из которых выехали родоначальники, также в принципе совпадает с записями XVI в. Очевидно, генеалогические традиции XVI в. были еще достаточно устойчивыми. Новым в родословных легендах являются отсылки на польские родословные книги, подтверждающие достоверность происхождения семей (Грушецкие, Елагины, Клокачевы, Корбышевы).

Если легенды о выезде из «Немец», Литвы, Польши не всегда связаны с конкретными событиями, известными по другим источникам, кроме известия о взятии Смоленска или о выезде князя Свидригайлы, то легенды о выезде из Крыма и Золотой Орды, как правило, отталкиваются от событий, известных по летописям и связанных с деятельностью крымских и ордынских мурз и царевичей.

В родословных росписях ни разу не встретились фантастические легенды, о которых часто писали в генеалогической литературе. Наиболее яркий пример — легенда Супоневых, которые, используя подлинные родословия и разряды, создали сборник, подтверждающий их происхождение.³⁶ В их легенде как предки записаны испанские и итальянские короли, и вся она выглядит приключенческой повестью XVII в. На абсурдных фактах построены легенды Челищевых (их предок был якобы убит «из пушки в чело» на Куликовом поле, что и дало начало фамилии), Мышецких, которые помещены в отдельных рукописях родословных книг второй половины XVII в. Ничего подобного в официальных росписях не встречено. Наиболее близка к таким

³⁶ Зимин А. А. Из истории фальсификации... с. 412—419.

росписям легенда Блудовых, где использован летописный рассказ X-в., но фантастические детали в ней отсутствуют.

Очевидно, история отдельных семей и генеалогические традиции в XVII в. были таковы, что использование недостоверных легенд в официальных документах было невозможно. Еще Н. П. Лихачев, разбирая родословную легенду Сатиных, предположил, что «Сатины, как и некоторые другие фамилии... , приготовили несколько росписей и подали в приказ ту, которая казалась наиболее вероятной».³⁷

Сведения о социальном составе семей, подавших росписи, раскрывают записанные в них известия о службе и земельных владениях. В этих записях нет какой-либо системы, каждая семья заносила в росписи то, что знала и считала возможным сообщить. В отличие от родословий XVI в. в росписях часто встречаются отсылки на разряды, грамоты и другие документы. Иногда круг сведений, помещенных в росписи, совпадает с кругом известий из приложенных к росписям документов.

Никаких записей о службе и земельных владениях нет в 24 росписях.

Новым для родословий XVII в. является ссылка на Тысячную книгу 1550 г. и Дворовую тетрадь 50-х годов XVI в. как на источник, подтверждающий родовитость. Тысячники упомянуты в росписях Волоховых, Болтиных, Елагиных, Карауловых, Кафтыревых, Кикиных. Все записанные здесь лица есть в Тысячной книге, кроме Пимина Михайлова Елагина; в 1550 г. был записан лишь его брат Федор. В одной росписи Баскаковых приведены «фальшивые» тысячники Алексей, Иван, Федор Петровы. Баскаковы в Тысячной книге имеют другие имена. На Дворовую тетрадь ссылаются Блудовы, Бухваловы, Козловы, все их известия подтверждаются текстом Дворовой тетради. Эти записи единичные, но они позволяют связать сведения источников XVI в. с определенными семьями и уточнить социальный состав тысячников, круг семей, привлекавшихся при реформах 50-х годов XVI в.

Кроме отсылок на Тысячную книгу, в росписях есть упоминания о писцовой книге Дмитрия Китаева, составленной, очевидно, в конце XV в. (росписи Григоровых, Кузьминых, Савеловых и др.). Это принципиально новое явление по сравнению с родословиями XVI в. Книга Дмитрия Китаева связана с переселениями, происходившими в Новгородской земле в конце XV в. после присоединения Новгорода к Москве. Для родословий XVI в. упоминание о записи в книгу Дмитрия Китаева было признаком неродовитости, отказа от службы в Москве. Очевидно, к концу XVII в. главным признаком родословий стал сам факт древности службы, а не места службы. В этом случае отсылка к книге Дмитрия Китаева доказывала, что семья известна с конца XV в.

Если обратиться к упоминаниям земельных владений — све-

³⁷ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века, с. 438.

дения о том, где получили земли предки, перешедшие на службу в Москву, или просто уездов, где находились поместья, то первое место здесь занимает Новгород. Ряд записей, как уже отмечалось, связан с переселениями конца XV в., часть — со службой в Новгороде в XVI в. В пяти росписях есть известия о службе в уделах — Дмитров, Старица, Волоцк. Эти упоминания важны тем, что средняя (не боярская) прослойка удельных дворов по родословным книгам XVI в. неизвестна. Ветви семей, служившие в уделах, в них не записывались даже в том случае, когда часть лиц была связана службой с Москвой и общая роспись рода попадала в родословные книги. О семьях, служивших только в уделах и не имевших своих представителей при великокняжеском дворе, мы из генеалогических документов XVI в. ничего не знаем.

Росписи XVII в. тем более ценны, что в них есть записи, каким именно удельным князьям служили те или иные лица, есть в них и уникальные сведения об обмене дворов московского и старицкого князей в годы опричнины. Об этом обмене есть сведения в летописях, частично круг лиц, перешедших на службу в Москву, можно реконструировать по разрядным книгам, но такая реконструкция в силу специфики самих источников относится к боярской прослойке; об обмене служивших людей из других источников неизвестно.

Часть семей, подавших росписи XVII в., — вотчинники Вязьмы, Козельска, Ржева; эти земли связаны с переселениями из Литвы. Три семьи из числа таких землевладельцев записали своих предков выехавшими из Литвы и Польши.

Упомянуты в росписях и владения семей, издавна служивших в Москве, Рязани, Суздале, Костроме.

Все эти записи относятся к известиям о родовых гнездах, но, кроме них, в росписях есть упоминания о других земельных владениях, как правило, подтвержденные грамотами. Эти сведения позволяют проследить размещение помещиков, членов одной семьи. Кроме того, мы имеем здесь дело с росписями семей, не попавших в родословные книги XVI в., именно эти записи и содержащие их росписи позволяют связать сведения актов XVI в. и отнести их к определенной семье.

Группа известий росписей связана непосредственно со службой при московском дворе. Чаще всего это известия об участии в различных войнах и сражениях XVI в., но есть и записи о занятии определенных должностей при московских князьях. Среди уникальных известий следует отметить упоминание о службе в Опричном дворе Тимофея Ларионова Бунина (98, л. 3), неизвестное по другим источникам.

Основная масса известий о службе относится к началу XVII в., и здесь они иногда перерастают в биографии отдельных лиц или подробную подборку выписок из различных документов о деятельности одного лица.

Такой анализ сохранившихся подлинников родословных росписей конца XVII в. позволяет сделать ряд выводов об эволюции генеалогических документов России. В росписях XVII в. сохраняется много общего с росписями XVI в.: оформление легенд, построение родословной схемы, форма записи лиц в росписях XVI и XVII вв. одинаковы. Наличие этих общих традиций позволяет в то же время вскрыть и новое. Прежде всего меняется круг семей, подающих свои родословия. Это связано, очевидно, с изменениями в составе московского двора. Для XVII в. становится иным представление о родовитости семьи, поэтому новыми для росписей становятся отсутствие легенды о происхождении рода и отсылка на какие-либо события раннего времени или документы, подтверждающие древность службы при московском дворе. Меняется и сам круг документов, подтверждающих родовитость. Для родословий XVI в. характерно отсутствие ссылок на грамоты и просто невозможна отсылка на книгу Дмитрия Китаева. Меняется и отношение к службе в уделах. Можно сказать, что в XVI в. признаком родовитости был факт, кому служишь, а в XVII в. — с какого времени служишь.

В росписях XVII в. сохраняется форма легенды о выезде, характерная для родословий XVI в., но вкладывается иной смысл в сам факт выезда. Меняется роль Новгорода как места выезда на службу, характерно, что рядом с «выездами из Литвы» появляются в совершенно аналогичных случаях «выезды из Польши». Это скорее может свидетельствовать о перемене внешнеполитических отношений XVII в., когда Польша и Литва выступают как единое государство.

Для известий XVI в., записанных в росписи, более ценно не упоминание об отдельных фактах службы, чаще всего известных по более ранним источникам, а то, что сами росписи принадлежат тому слою дворянства, которое не попало в родословные книги XVI в. и чьих более ранних росписей мы не имеем. В росписях XVII в. появляется и новый жанр — светская биография, которая отличается от более ранних упоминаний о службе большей детальностью в записи фактов и литературным стилем изложения. Практически те росписи, о которых уже говорилось, что в них нет росписей как таковых, а лишь содержатся сведения о выезде в Россию в XVII в., представляют собой биографии выехавших.

Наконец, росписи сохранили уникальный материал о деятельности Палаты родословных дел и лицах, принимавших участие в создании родословий XVII в. Если имена русских герольдмейстеров XVIII и XIX вв. нам давно известны, то теперь к ним можно добавить думного дьяка В. Г. Семенова, под чьим руководством была проделана основная работа с росписями, поданными в Приказ после упразднения местничества.

Наблюдения над родословными росписями позволяют еще раз вернуться к вопросу о датировке Бархатной книги.

Указ 14 ноября 1686 г. говорит о том, как надо писать родословную книгу и как использовать для этого старую родословную, очевидно, он был издан перед составлением Бархатной книги, когда материалы для нее были собраны.

Бархатная книга скреплена по листам думными дьяками В. Г. Семеновым, Д. Т. Полянским, Е. И. Украинцевым и дьяками П. Ф. Оловянниковым и Л. А. Домниным. Домнин уже в 1689 г. стал думным дьяком. Вместе с Украинцевым он участвовал в Крымском походе 1686—1687 гг.,³⁸ затем Украинцев участвовал 7—25 июля в раде, выбиравшей гетмана войска Запорожского.³⁹ В 1688/89 г. Домнин уехал с посольством к Мазепе. Очевидно, Бархатная книга могла быть подписана после возвращения Домнина и Украинцева из Крымского похода, но до отъезда Домнина с новым посольством, приблизительно во второй половине 1687—1688 г.⁴⁰

Все документы, связанные с составлением Бархатной книги, хранятся в фондах Разрядного приказа, сама книга находится в сенатских фондах. Когда и зачем она была перевезена в Петербург?

Ответ на этот вопрос дает переписка главного инспектора московских сенатских архивов П. И. Иванова с герольдмейстером В. Д. Философовым. В 1850 г. Иванов просит Философова помочь отыскать две родословные книги XVII в. Одна из них — официальная родословная, составленная в 1682 г. после упразднения местничества. «Этой любопытной и в настоящее время необходимой книги в здешних архивах нет, и, вероятно, она в архиве герольдии хранится, потому собственно, что при императрице Екатерине II, когда составляемы были дворянские книги, все относящиеся до этого предмета документы были вытребованы в С.-Петербург».⁴¹

На распоряжение Философова о розыске названной Ивановым рукописи 2 августа 1850 г. поступил рапорт архивариуса герольдии Китаева о том, что упомянутой Ивановым книги в герольдии нет, а в «присутствии же департамента герольдии хранится под названием Бархатная книга сборник родословный, составленный в царствование царя Федора Алексеевича, который служит важным актом и основанием в решениях».⁴²

На основании этого рапорта 27 сентября 1850 г. Философов отправил в Москву ответ, где сообщал, что интересующая Иванова книга 1682 г. находится в департаменте герольдии и «из-

³⁸ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие..., с. 157.

³⁹ Там же, с. 531—532.

⁴⁰ А. П. Барсуков без доказательств датирует составление Бархатной книги 1687 г. (Барсуков А. П. Обзор источников..., с. 10).

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 57, ед. хр. 377, л. 1 об.; ЦГАДА, ф. 336, оп. 1, ед. хр. 355, л. 6 об. Письмо от 20 июня 1850 г.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 57, ед. хр. 377, л. 1 об.—2; ЦГАДА, ф. 336, оп. 1, ед. хр. 355, л. 6 об.—7.

вестна под именем Бархатной книги». ⁴³ Отвечая на это письмо, Иванов вместе с благодарностью за присланные сведения выражает сожаление, что этот важный источник «не издан до сих пор в свет изящным образом» и трудно доступен для исследователя. «Как же не исправно издание новиковское, но и оно весьма редко и с трудом его можно отыскать». ⁴⁴

Эта переписка не только раскрывает нам историю хранения самой Бархатной книги, но и показывает, что часть генеалогических материалов XVII в. можно искать среди делопроизводственных документов XVIII—XIX вв., поскольку в это время они использовались для справок.

В связи с историей хранения рукописи интересно также выяснить, когда и где она получила столь необычное для русского источника название — Бархатная книга. Ни на рукописи, ни на копиях, сделанных с нее, его нет. Впервые оно употреблено, очевидно, в работе Ф. Эмина (1768 г.). ⁴⁵ Потом на титульном листе публикации Н. И. Новикова (1787 г.) появляются аналогичные слова — «которая известна под названием Бархатной книги». ⁴⁶

П. И. Иванов не связывает в своем письме родословную, составленную при отмене местничества, с книгой, опубликованной Н. И. Новиковым. То, что Бархатная книга и есть официальный родословец, определил В. Д. Философов.

Эти сведения приводят нас к выводу, что, находясь в составе Разрядного архива, рукопись названия не имела, иначе его при своих розысках упомянул бы Иванов. Бархатной книга стала называться в канцелярии герольдии, где это название за ней закрепилось. В таком случае можно установить примерную дату переезда рукописи из Москвы в Петербург. Он произошел между 1762 и 1767 гг. ⁴⁷ От служащих герольдии это название стало известно Ф. Эмину, Ф. Миллеру, а от него, очевидно, Н. И. Новикову.

В научную литературу название Бархатная книга перешло с титульного листа публикации 1787 г.

⁴³ ЦГАДА, ф. 336, оп. 1, ед. хр. 355, л. 7.

⁴⁴ Там же, л. 26, 27.

⁴⁵ «... в родословии российских князей, Бархатною книгою называемом» (Эмин Ф. Российская история, т. II. СПб., 1768, с. 477).

⁴⁶ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... ч. I—II. М., 1787.

⁴⁷ П. И. Иванов пишет, что рукопись вывезли из Разрядного архива в царствование Екатерины II, а Ф. Эмин приводит в своей книге (вышла в 1767—1769 гг.) ее название.